

Н.П. Турова

ЛИЦЕВЫЕ ПОКРЫТИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЮДИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)».

Приводится характеристика элементов погребальных лицевых покрытий (масок), выявленных в ходе археологических исследований на юдинском могильнике Вак-Кур (Западная Сибирь, Нижнее Притоболье). Дается детальное описание металлических элементов масок, проводится их сравнение с синхронными лицевыми покрытиями с территории Западной Сибири, Предуралья, Венгрии. Установлено, что детали лицевых покрытий из могильника Вак-Кур наиболее близки венгерским изделиям. Для интерпретации их функционального назначения привлечены материалы из обско-угорской этнографии.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Нижнее Притоболье; эпоха Средневековья; юдинская культура; грунтовый могильник Вак-Кур; погребальные лицевые покрытия / маски.

Некрополи, бесспорно, являются уникальными комплексами, в которых нашли отражение разнообразные мировоззренческие установки населения. Археологически фиксируемые элементы погребально-поминального обряда позволяют приблизиться к пониманию основы мировосприятия древнего населения, к решению вопросов этно- и культурогенеза. Существует как ряд стандартных элементов обряда, которыми оперируют ученые при характеристике изучаемой культуры, так и специфических, которые встречаются значительно реже. К последним, несомненно, можно отнести погребальные маски (лицевые покрытия), которые бытовали в разное время во многих уголках мира.

Применение разнообразных лицевых покрытий в погребальном обряде на рубеже эр широко распространяется на просторах Евразии (от Сирии и Причерноморья на западе, до Минусинской котловины на востоке) [1. С. 358]. В эпоху средневековья использование в погребальном обряде лицевых пластин и масок было распространено в Евразии на территории Прикамско-Поволжского региона, Паннонии, Западной Сибири.

Первой обобщающей работой по погребальным маскам стала статья Е.П. Казакова, основанная на материалах Танкеевского могильника [2]. В качестве археологических аналогий танкеевским погребальным лицевым покрытиям исследователь приводит изделия со средневековых некрополей Волго-Уральского региона и Венгрии; их функции определены с опорой на этнографию обских угров Западной Сибири. При этом, вплоть до настоящего момента, нет специальных работ, отражающих такую специфическую деталь погребального обряда, как погребальные маски, у средневекового населения западносибирского региона. Ведь именно здесь происходил этно- и культурогенез аборигенного населения края – хантов и манси, у которого этнографами зафиксировано применение погребальных лицевых покрытий [3. Т. 1. С. 76–77; 4. С. 3; 5. С. 143].

Целью данной работы является введение в научный оборот материалов с крупнейшего некрополя юдинской археологической культуры – могильника Вак-Кур, свидетельствующих об использовании лицевых

покрытий в погребальной обрядности юдинского населения Нижнего Притоболья на рубеже I–II тыс. н.э. К юдинской археологической культуре исследователи относят средневековые памятники южнотаежного и лесостепного Зауралья, в керамических комплексах которых присутствует шнуровой орнамент. Временные рамки существования культуры, по мнению одной части ученых, – X–XIII вв. н.э. [6. С. 175], по мнению других – VII–XIV вв. [7. С. 150]. С юдинской культурой ученые связывают этногенез манси [6. С. 175]. К погребальным памятникам относят 8 некрополей VI–XIII вв., среди которых наиболее полно изученными являются могильники: Пылаевский [8], Ликинский [9] и Вак-Кур [10–12].

Впервые об использовании наглазников и нагубников, изготовленных из разрубленных на части медных блях, в двух погребениях Пылаевского могильника юдинской культуры написали Ю.М. Кутаков и А.В. Старков [8. С. 138], однако детальный анализ расположения пластин (согласно описанию и плану погребений) [8. С. 132, 140], а также отсутствие следов окислов на зубах и лицевой части черепов (согласно проведенному антропологическому исследованию останков погребенных) [13. С. 147–148] не позволяют уверенно отнести обнаруженные в погребениях Пылаевского могильника пластины к деталям лицевого покрытия.

Поэтому к настоящему времени единственным юдинским некрополем, на котором достоверно зафиксирован факт применения в погребальной обрядности лицевого покрытия является могильник Вак-Кур.

Памятник находится в юго-восточной части ареала юдинской археологической культуры (Ярковский район Тюменской области, правобережье р. Тобол). К настоящему времени шестью раскопами исследовано 220 погребений могильника (раскопки В.А. Заха, М.А. Бусловой и А.А. Адамова). Датировается памятник X–XI вв. н.э. [10. С. 249]. Подавляющее количество захоронений некрополя нарушено постингумационными проникновениями, в результате чего практически все останки погребенных и инвентарь смещены с первоначальных мест и находятся в могилах, в их заполнении и межмогильном пространстве [12]. Лишь 12 (5,5%) погребений могильника можно отнести к

«непотревоженным»: 10 детских (младенческих?) захоронений, а также 2 взрослых, в которых анатомический порядок костей был нарушен уже к моменту погребения (вторичное и парциальное захоронения). Кроме того, почва могильника Вак-Кур – супесь – сохраняет лишь фрагменты крупных костей (преимущественно нижних конечностей), черепных коробок и зубов. Поэтому многие могилы не содержат костных останков. Материалы наиболее полно сохранившихся погребальных комплексов свидетельствуют о том, что умерших хоронили в неглубоких ямах по обряду ингумации, на спине, головой в западном и северо-западном направлении. Характерной особенностью погребальной обрядности является поломка части сопроводительного инвентаря.

На площади всех раскопов некрополя (в могилах и межмогильном пространстве) обнаружены небольшие медные пластинки, не являвшиеся обломками каких-либо готовых изделий. Они фигурировали в научных отчетах под наименованием «медные пластинки» или «обломки невыразительных бронзовых изделий». Лишь исследованное А.А. Адамовым в 2004 г. погребение под № 124 позволило определить их роль в погребальном обряде юдинского населения рубежа I–II тыс. н.э. и причислить к особой категории погребаль-

ного инвентаря – металлическим элементам погребальных лицевых покрытий. Приведем описание данного погребального комплекса.

Описание погребения № 124 (рис. 1, 2). Данный погребальный комплекс располагался на площади раскопа № 4 (северо-восточная окраина некрополя), в секторах 20 и 23. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СЗ – ЮВ, с отвесными стенками, размером 1,98 × 0,71 м и глубиной до 0,25 м от уровня материка (глубина от уровня дневной поверхности – около 0,6 м). Заполнение могильной ямы представлено светло-серой супесью. От погребенного ребенка 9–10 лет¹ (судя по многочисленным бронзовым украшениям – девочки) в северо-западном конце могилы находился только череп плохой сохранности (треснувший, несколько развалившийся), слегка повернутый на правый бок и лежащий, скорее всего, *in situ*. Возможно, погребение – парциальное и захоронена была лишь голова, т.к. костных останков на прилегающем к могиле пространстве не обнаружено; с другой стороны, размеры могильной ямы, а также фиксировавшаяся на дневной поверхности западина (находилась над центральной частью рассматриваемого погребения) могут свидетельствовать о захоронении целого тела.

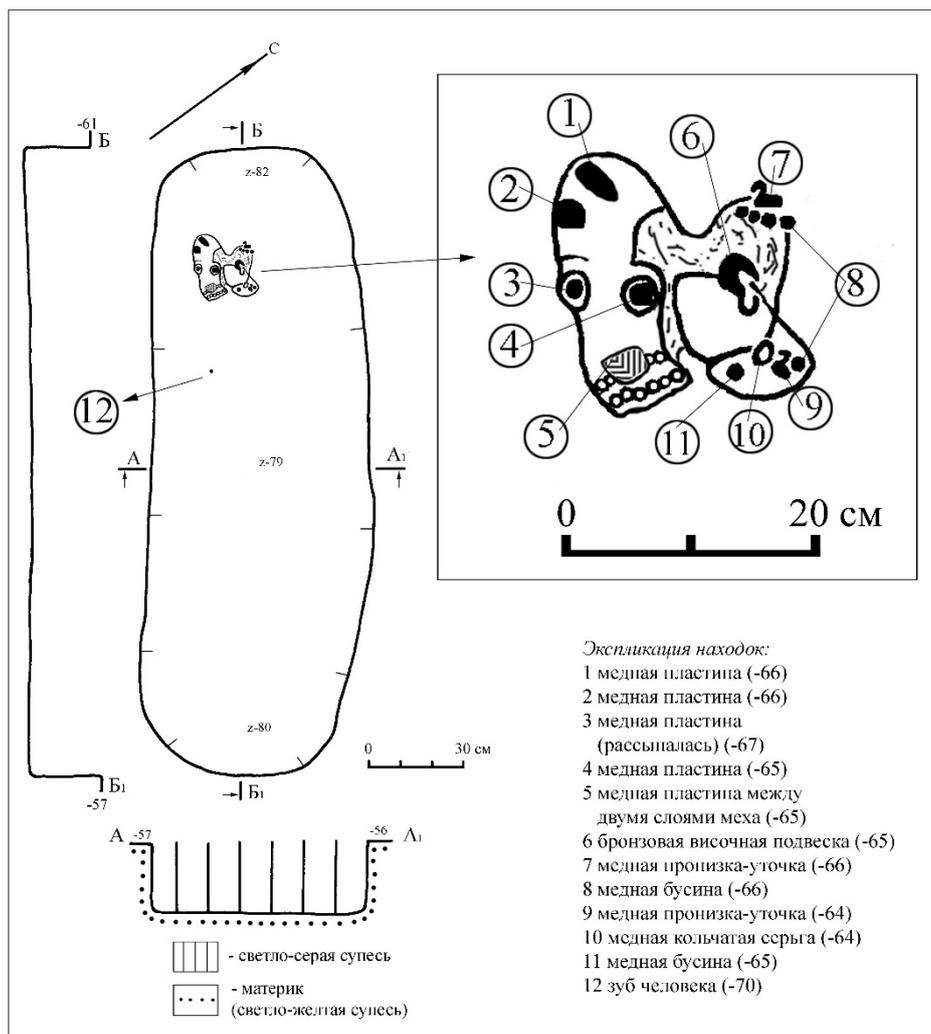

Рис. 1. Могильник Вак-Кур. План и разрез погребения № 124

На черепе находилось 5 пластин, изготовленных из тонкой листовой меди (рис. 2: 1, 2, 6, 7). Две пластины располагались в глазных впадинах: правый наглазник не сохранился (он фиксировался лишь по следу окисла); левый наглазник подтрапециевидной формы со скругленными углами, наибольшей длиной 3,1 см, шириной – 2,4 см, толщиной около 0,08 см (рис. 1, 2: 6). Наротник также медный, трапециевидной формы (длина – 3,1 см, ширина – 2,4 см, толщина около 0,06 см); как на пластине, так и под ней сохранились фрагменты меха (рис. 1, 2: 2). На лбу обнаружено еще две пластины: продолговатая пластина длиной 6,3 см, шириной 1,7 см, толщиной 0,05 см располагалась примерно по центру лобной кости (рис. 2: 1); пластина округлой формы длиной 3,1 см, шириной 2,6 см, толщиной 0,08 см находилась над правой глазной впадиной, у височной кости (рис. 2: 7).

Кроме пластин, на черепе и под ним находилось большое количество медных и бронзовых украшений (на плане не показаны изделия, находившиеся под черепом) (рис. 1, 2), благодаря которым сохранились фрагменты органики (волосы, мех, войлок, древесные волокна). По бокам от черепа обнаружена пара медных кольчатых серег (рис. 2: 5). Слева на черепе, в районе височной кости, находилась бронзовая височная калачевидная подвеска (рис. 2: 3). Также по обе

стороны от черепа находились 3 пронизки-уточки (рис. 2: 4, 8) и 15 медных бусин (они были нанизаны на кожаные ремешки, вдетые в пронизки-уточки), вероятно являвшиеся украшением головного убора или прически (рис. 2: 9–16). К юго-востоку от черепа найден человеческий зуб, возможно, попавший в могилу вместе с засыпкой (рис. 1).

Описание вещевого комплекса; поиск аналогий; датировка. По обе стороны черепа находились три пронизки-уточка (рис. 2: 4, 8), представляющие собой полые, двухсторонние, открытые снизу отливки в виде стилизованного изображения уточки. Небольшая головка, закрученная в виде петельки, изображена довольно схематично. На спине – отверстие для подвешивания. Тулово гладкое (2 экз.) или с обозначенными с помощью гладких валиков крыльями (1 экз., с привеской-лапкой), в нижней части основания, по центру, аходятся две петли (расположены поперек изделия) для лапчатых привесок. Большинство таких пронизок встречено на северо-западе Восточной Европы X–XI вв. [14. С. 19, рис. 4: 6–8]. Бронзовые пронизки с подвесками-«лапками» встречаются в могильниках X–XI вв. Верхнего Прикамья [15. С. 466, рис. 204: 11–13]. В небольшом количестве они найдены и на западносибирских памятниках рубежа I–II тыс. н.э. [16. С. 72–73].

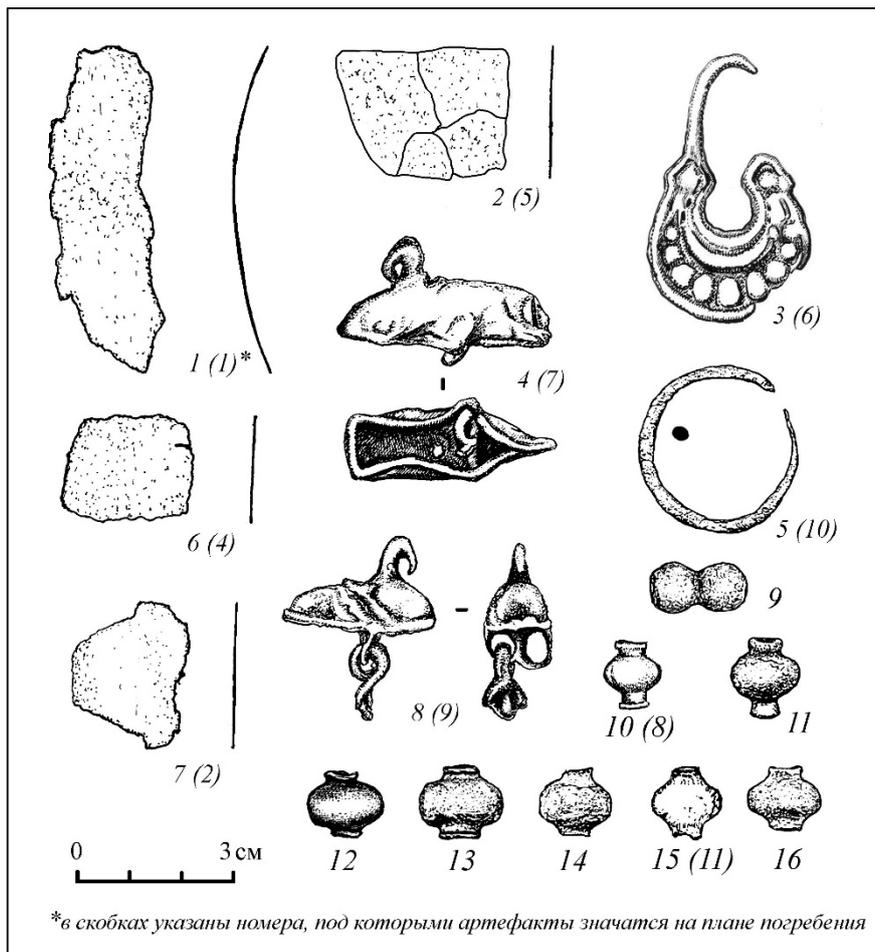

Рис. 2. Могильник Вак-Кур. Инвентарь из погребения №124. Материал: 3 – бронза; остальное – медь

Литая височная калачевидная подвеска (рис. 2: 3) из погребения № 124 декорирована с одной стороны девятью круглыми выступами разных размеров; щиток серповидной формы имеет выступы-«ушки» при переходе к дужке. Медные и серебряные калачевидные височные подвески / серьги встречаются в материалах памятников конца I – начала II тыс. н. э. Ветлужско-Вятского междуречья [17. С. 133, рис. 27: 4–5, рис. 153: 6–7, рис. 184: 2, рис. 245: 3], Пермского Предуралья [18. С. 165, рис. 54: 14–16; 19. С. 54, рис. 1: 18–30], Европейского Севера [20. С. 34, рис. 4:

3, 22, с. 46] и Западной Сибири [21. С. 81, рис. 11, с. 85, рис. 29, с. 88, рис. 47]. Близких аналогий данной височной подвеске выявить не удалось. Подвески сходных форм, но без орнамента имеются среди материалов Рождественского могильника X–XI вв. в Верхнем Прикамье [15. С. 446, рис. 181: 20]. На этом же могильнике присутствуют и калачевидные височные подвески с кружковым орнаментом [15. С. 446, рис. 181: 22, 29]; похожий орнамент имеется на изделии из могильника X–XI вв. Барсов Городок в Сургутском Приобье [21. С. 88, рис. 47].

Таблица 1

Распределение металлических деталей погребальных лицевых покрытий на площади могильника Вак-Кур и их основные характеристики

№ раскопа	Кол-во изученных могил	Кол-во пластин	Могилы, в которых выявлены пластинки (кол-во: взр./детск.)	Пластинки из межмогильного пространства (шт.)	Материал пластин (шт.)	Органка на/под пластинами (шт.)	Пластинки с орнаментом (шт.)	Пластинки с отверстиями (шт.)
1	10	8	5: 2/3	–	медь (8)	мех (1)	–	–
2	23	20	7: 3/4	–	медь (20)	мех (1)	–	1
3	44	11	7: 5/2	–	медь (11)	войлок (1)	7	1
4	69	31	11: 9/2	5	медь (22) серебро (9)	войлок (2) мех (2)	–	3
5	31	1	1: 1/0	–	серебро (1 шт.)	–	–	–
6	43	3	1: 0/1	–	медь (3)	–	–	2
Всего	220	74	32: 20/12	5	медь (64) серебро (10)	мех (4) войлок (3)	7	7

Две медные круглопроволочные кольчатые серьги диаметром около 3 см найдены по обе стороны от черепа (рис. 2: 5). Подобные украшения были достаточно широко распространены как территориально, так и хронологически.

В погребении встречены медные бусины-«флаконики» (14 шт.) нескольких вариантов: без воротничка вокруг отверстий (11 шт., диаметр тулова от 1, 1,25 и 1,7 см) (рис. 2: 10–13) и с гладким воротничком вокруг отверстий (3 шт., диаметр тулова 1,4 см) (рис. 2: 14–16). Подобные бусины были широко распространены в X–XI вв. на территории Европейского Севера в древностях белоозерской и приладожской веси [20. С. 34, рис. 4: 19, с. 38–39; 22. С. 61, табл. 2: 7]; встречаются на памятниках Пермского Предуралья [15. С. 464, рис. 202: 14–16; 18. С. 141, с. 172, рис. 61: 6–10], Сургутского и Юганского Приобья [21. С. 82, рис. 15, 16; 16. С. 91, табл. 56: 28].

На одном ремешке вместе с вышеописанными бусинами находилась и одна двухчастная медная бусина (рис. 2: 9). Подобные изделия имеются среди материалов X–XI вв. Рождественского и Огурдинского могильников Пермского Предуралья [15. С. 464, рис. 202: 24, 25; 18. С. 173, рис. 62: 2], в могильниках Юганского Приобья [16. С. 91, табл. 56: 25], на па-

мятниках XI – нач. XII вв. на северо-западе Восточной Европы [20. С. 34, рис. 4: 9, с. 40].

Итак, по комплексу сопроводительного инвентаря погребения № 124 можно датировать второй половиной X – первой половиной XI вв.

Судя по материалам детского погребения № 124, юдинское население использовало в похоронной обрядности лицевые покрытия, состоящие из мехового покрывала, а также металлических накладок (медных), которые располагались на глазах, губах и на лбу (продолговатая форма одной из пластин, обнаруженных по центру лобной кости, длинной стороной поперек нее, наводит на мысль о возможном использовании данной пластины в качестве накладки на нос, но смещенной с места, возможно, в момент погребения – при покрытии головы (тела) еще одним слоем меха).

Характеристика элементов погребальных лицевых покрытий могильника. Кроме вышеописанного погребального комплекса разнообразные по форме металлические пластинки, не являющиеся фрагментами готовых изделий, обнаружены на площади всех шести раскопов могильника Вак-Кур (рис. 3, табл. 1). Косвенным подтверждением использования обнаруженных пластин в качестве лицевого покрытия является их залегание преимущественно в западной части могилы (район черепа), а также следы

зеленой окиси на зубах погребенных (так, например, в погребении № 69 раскопа 3 зубы верхней челюсти

имели зеленый цвет, при том, что ближайшие медные / бронзовые изделия находились в 0,6 м от них).

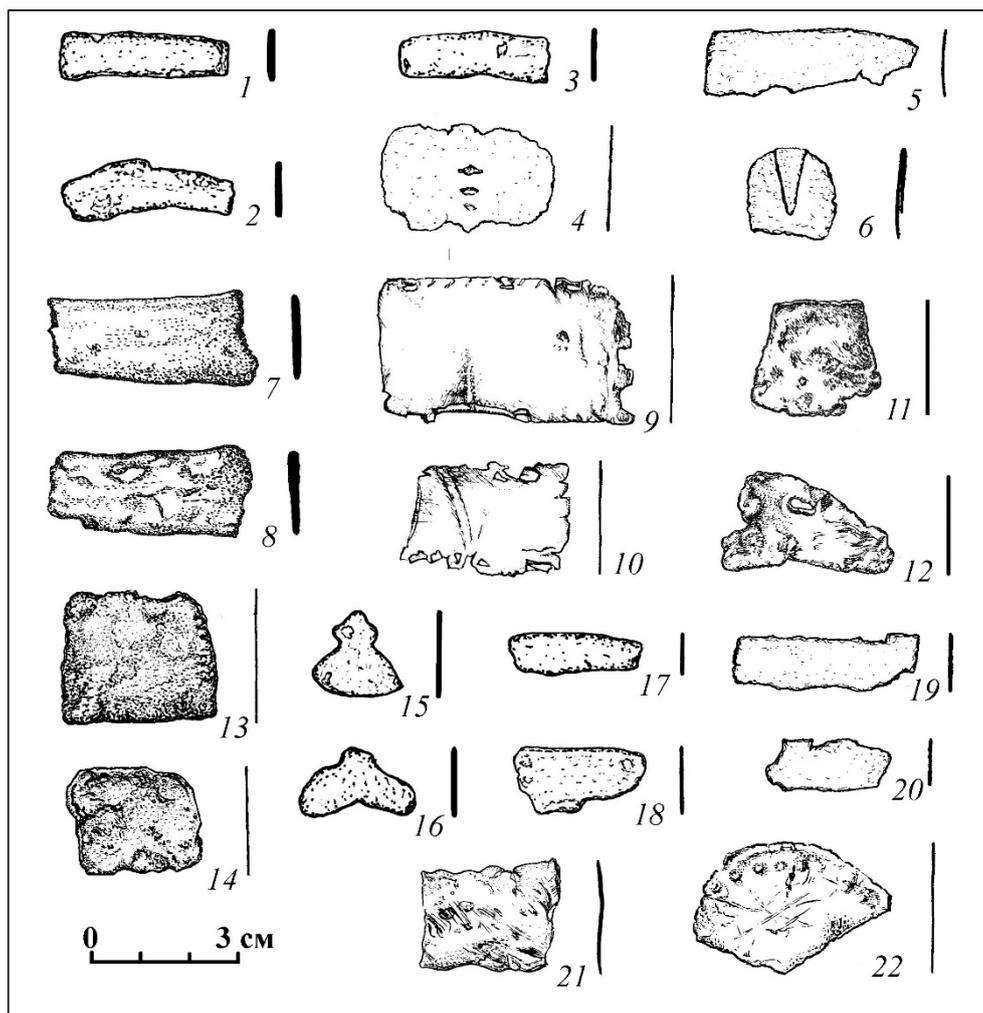

Рис. 3. Могильник Вак-Кур. Металлические элементы погребальных лицевых покрытий. Материал: 4, 9, 10, 21, 22 – серебро; остальное – медь

Общее количество найденных пластин – 74 шт. (с учетом материалов из погребения № 124). Подавляющее их количество находилось в заполнении 32 могил (20 взр., 12 – детск.²), в межмогильном пространстве найдено 5 пластинок. Материал: 64 накладки (86,5%) изготовлены из меди; 10 пластин (13,5%) – из серебра. Форма пластин самая разнообразная. Чаще всего они имеют вытянутую подпрямоугольную форму (рис. 3: 1, 3, 5, 7–10, 14, 19), встречаются также квадратные (рис. 3: 13, 14, 21), подовальные (рис. 3: 4, 6), трапециевидные (рис. 2: 2; 3: 11), подтреугольные с одним скругленным краем (сегментовидные) изделия (рис. 3: 17, 22), а также пластинки неправильных форм (рис. 3: 15, 16, 18). Пластины преимущественно гладкие, без орнамента. Лишь на 7 экземплярах имеется своеобразный декор: выемки на 3 изделиях (рис. 3: 4), жемчужины – на 1 экз. (рис. 3: 22), насечки в виде стежков на трех серебряных пластинках (рис. 3: 9, 10).

Присутствие на 7 пластинах отверстий позволяет сделать предположение о том, что какая-то их часть могла нашиваться на меховое покрывало (рис. 3: 9,

10, 12). Фрагменты органики сохранились, кроме меха из погребения № 124, еще на некоторых пластинах (или под ними): мех (4 пластины), войлок (3 пластины) (табл. 1). Об использовании в качестве лицевого покрытия войлочной основы можно говорить лишь предположительно, так как они могут быть фрагментами выстилки могилы, или каких-либо других изделий. Например, под одной из пластин сохранился фрагмент шкуры, сшитой из кусочков, представляющей собой, вероятнее всего, остатки меховой одежды [11. С. 110].

Учитывая разграбленность некрополя, нельзя полностью исключать и возможность использования в качестве металлических деталей лицевого покрытия и готовых изделий³. Так, в погребении № 98 в непосредственной близости от черепа обнаружены 3 фрагмента от медной подвески с растительным орнаментом; в разрушенной западной части коллективного погребения № 84 (район головы) обнаружены 2 серебряных дирхема X в. с двумя пробитыми отверстиями на противоположных краях. Использование восточных монет зафиксировано на территории

Пермского Приуралья в двенадцати погребениях Баяновского могильника конца IX – нач. XI вв., где они клались на рот погребенных и, по мнению одного из исследователей некрополя, использовались вместо погребальных масок [23. С. 51, 53].

В эпоху средневековья разнообразные по форме и материалу погребальные покрытия использовались на территории Евразии населением Западной Сибири, Предуралья, Венгрии.

В Предуралье данная черта погребальной обрядности зафиксирована в разнокультурных могильниках:

– ванвиздинской культуры (VI–X вв.): в погребениях присутствуют серебряные наротники и наглазники с прорезями, а также золотые очкообразные наглазники с прорезями и наротник без прорези [24. С. 416, рис. 5: 6];

– ломоватовской культуры (VII–IX вв.): обнаружены вырезанные из тонких серебряных пластин очкообразные наглазники с узкими прорезями, в одном случае под ними зафиксированы остатки шелковой китайской ткани [25. С. 101, табл. VII: 12–13; 26. Табл. XXI: 33, 35];

– родановской культуры (вторая пол. X–XI вв.): выявлены серебряные маски с прорезями для глаз и рта (в одном случае глаза были обозначены чернью), имевшие по краю отверстия для пришивания на мягкую основу, а также серебряные и золотые наглазники и наротники с прорезями [15. С. 478–480; 27. С. 115, рис. 39: 1; 28. С. 99].

На Южном Урале в материалах Стерлитамакского могильника IX–X вв. имеются серебряные очкообразные наглазники и одинарные пластины-наглазники с прорезями [29. С. 93, рис. 49: 1–3].

В древностях ранних булгар (IX–X вв.) выявлены серебряные маски с прорезями для глаз и рта, нашитые на шелковую ткань [30. С. 153, 158; 31. С. 265]. В Паннонии, в захоронениях IX–X вв., обнаружены погребальные маски, которые состояли из мягкого покрытия (кожа или ткань), поверх которого на месте глаз, рта (возможно и носа) накладывались или нашивались серебряные пластины преимущественно без прорезей, бляхи или пуговицы [32. С. 170; 33. С. 123, рис. 5: 1.2; С. 125].

В Западной Сибири погребальные лицевые покрытия встречаются в Сургутском Приобье в погребениях взрослых и детей в могильниках кучиминского этапа (конец VII – начало X вв.), кинтусовского этапа (X – первая половина XII вв.), а также в погребениях XIII–XV вв.; маска-покрытие состояла из куска меха или кожи, закрывавшего лицо, на месте глаз, а иногда еще рта и носа пришивались металлические накладки-пластинки [34. Т. 2. С. 282, 284, 287–288; 35. С. 47, 55]. К сожалению, сведений о форме пластин, о металле, из которого они были изготовлены, исследователями не приводятся. О материале металлических накладок можно судить из публикации материалов погребения № 14 середины X – начала XI вв. могильника Большая Умытъя, в котором на лицевой части черепа, в области глазниц, были выявлены остатки тонкой серебряной фольги (Зыков и др., 2006, с. 218, ил. 5; с. 228). Также есть основания говорить об использовании серебряных наглазников населением,

оставившим могильник X–XI вв., Барсов Городок [21. С. 106, рис. 131]; в погребении 83 (кости не сохранились) выявлено 2 серебряных округлых диска с орнаментом, которые, судя по описанию, оставленному Ф. Мартином, лежали на черепе и являлись наглазными пластинками [21. С. 16–17, рис. 8]. В погр. 21 найдены «ленты для глаз» – 3 пластины из тонкой листовой бронзы, прямоугольной формы, размером около 4,7 × 1,1 см [21. С. 26].

В Нижнем Приобье в шести погребениях XIII в. могильника Зеленый Яр зафиксированы своеобразные покрытия на телах погребенных. Так, на лице взрослого мужчины (погр. № 27) находилось многослойное лицевое покрытие: к головному убору типа капора был пришито грубыми стежками 2 слоя меха ворсом вниз, а между ними находилась медная пластина от котла (четырёхугольной формы, размером 27×24 см), обжимающая всю лицевую часть головы погребенного (с ее обратной стороны были сделаны 3 удара металлическим инструментом, в результате чего на лицевой (верхней) стороне имеются выпуклости, возможно, имитирующие лицо); поверх этого покрытия голова умершего была еще раз закрыта тонким оленьим мехом ворсом внутрь; еще несколько крупных медных пластин из раскатанных стенок котла располагались на теле мужчины, поверх меховой одежды [37. С. 108–109, 113]. В погр. № 15 лицо ребенка было накрыто оленьим мехом ворсом наружу, к этому лицевому покрывалу изнутри была пришита бронзовая пластина, закрывавшая глаза. Пластина размером 11×6 см представляла собой фрагмент медного котла [37. С. 73–77].

В Барабинской лесостепи в одном из погребений Усть-Тартаасского курганного могильника в глазницах погребенного (взрослый) найдено по бронзовой бляшке в форме сердечка, перевитой серебряной проволокой и завернутой в тонкую полуистлевшую материю; данное погребение датировано IX–X вв. [38. С. 10–12].

В Тобольском Прииртышье найдена единственная на сегодняшний день в Западной Сибири маскаличина. Маска серебряная, без прорезей (черты лица – нос, рот, глаза, брови – показаны выступами); изделие предварительно датировано ранним средневековьем и отнесено к потчевашской культуре [39. С. 149, рис. 1].

В Томском Приобье А.П. Дульзоном на могильнике Басандайка в женском погребении XV–XVI вв. выявлены остатки погребальной маски: на голове погребенной имелось несколько слоев ткани, остаток шкуры мехом к лицу (лежал на ткани, над ним наглазник) на глазах медные овальные бляхи, на верхней челюсти прямоугольная пластина, на лбу и по бокам медные пластинки и бляшки, на ткань нашит бисер [40. С. 28–29, 81, табл. 66, 67].

Использование лицевых покрытий в XVIII–XIX вв. хантыйско-ненецким населением Нижнего Приобья документируют материалы могильника Халас-Пугор. Выявленные здесь лицевые покрытия состояли из тканевого, мехового, кожаного лицевого покрытия с нашитыми на месте глаз, рта или носа пуговицами, бляшками или бусинами [41. С. 94–99, 101, 103, 105, 107].

До этнографического времени подобная черта погребальной обрядности сохранилась у многих народов Сибири, в том числе и у обских ургов. Зафиксирован-

ное у угров на рубеже XIX–XX вв. погребальное лицевое покрытие выглядело так: лицо умершего накрывали платком либо целиком закутывали голову большим куском сукна или обработанной оленьей шкурой ворсом внутрь; на месте глаз, рта и носа прикрепляют серебряные, медные монеты или пуговицы [3. Т. 1. С. 76–77].

Лицевые покрытия могильника Вак-Кур наиболее близки к материалам из средневековых погребальных комплексов Западной Сибири (несмотря на практически полное отсутствие подробного описания выявленных в некрополях металлических элементов лицевых покрытий), а также венгерских захоронений IX–X вв.: пластины гладкие, без вырезов, нашиты или уложены на месте глаз, рта, носа поверх мягкого лицевого покрытия. Разница между погребальными лицевыми покрытиями мадьяр и вак-куровскими наблюдается в материале, из которого изготовлены пластины (венгерские – из серебра, золота, а юдинские – из меди, реже – из серебра), а также в материале мягкого лицевого покрытия (венгерские изготовлены из ткани и кожи, юдинские – меховые). Бесспорное сходство зафиксированного на некрополе обычая использования своеобразной погребальной маски с этнографически описанными лицевыми покрытиями обских угров может служить дополнительным подтверждением в пользу отнесения юдинского населения Среднего Зауралья к коллективам, на основе которых проходил этно- и культурогенез угорских народов Сибири – хантов и манси.

Применение в Прикамье и Башкирии наглазников и наротников (а не масок-личин) Е.П. Казаков объясняет дефицитом серебра [31. С. 267]. З.П. Соколова, изучавшая роль металла в обрядовой практике угров, также пришла к выводу, что первичны были полные маски, а позднее, из-за нехватки металла, последний начали использовать экономно: применяли монеты, пуговицы, бусины и т.д. [42. С. 41]. Материалы могильника Вак-Кур свидетельствуют о том, что нехватки в металле (меди) население не испытывало, так как даже после неоднократного ограбления могильника, на площади некрополя выявлено значительное количество металлических изделий. Вероятно, для осуществления благополучного «перехода» умершего в новое состояние достаточно было изготовить небольшие металлические пластинки. Но именно специально изготовить / создать. Видимо, для юдинцев очень важен был сам процесс (ритуал) создания изделия: ведь многочисленные медные и бронзовые украшения по каким-то причинам не подходили для этих целей. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что магические обряды с использованием новых металлических отливок применялись обскими уграми для исцеления больных. Так, чтобы вернуть в тело больного одну из душ – *is* (из-за отсутствия которой он и занемог), делалась форма и отливалось изделие: если отливка удавалась, то душа возвращалась и человек выздоравливал [43. Т. 2. С. 37]. Таким образом, человек, создавая новые металлические изделия, мог влиять на судьбу такой метафизической субстанции, как душа. Исследователи неоднократно подчеркивали необы-

чайно большую роль металла в обрядах и ритуалах обских угров [42. С. 39].

Обско-угорская этнография дает нам лишь отрывочные данные о назначении погребальных лицевых покрытий [Там же. С. 40]. Это объясняется особенностью культовой практики хантов и манси, заключающейся в большой сакральности, что особенно характерно для представлений о душе [44. С. 69].

И хотя об истинных функциях погребальных лицевых покрытий у юдинского населения мы можем лишь догадываться, необходимо учитывать двойственный характер отношения к умершими родственникам у обских угров, который достаточно ярко описал К.Ф. Карьялайнен: «Оставшиеся считают своим долгом заботиться о потребностях умершего, но, с другой стороны, испытывают сильный страх перед мертвыми. Оба эти чувства – любовь и страх – накладывают отпечаток и на обряды по отношению к умершему...» [3. Т. 1. С. 75]. Возможно, что, кроме функции своеобразной изоляции, отмечаемой исследователями [4. С. 3], погребальные лицевые покрытия способствовали продолжению / возрождению жизни. Подтверждением такой функции лицевых покрытий, на наш взгляд, может служить один из элементов сохранившейся до наших дней древней церемонии обских угров – медвежьего праздника, сходство которого с похоронным обрядом неоднократно отмечалось учеными [3. С. 174; 45. С. 101; 46. С. 48, 53]. Во время этой церемонии медведь «просыпается» / оживает после наложения монет на его глаза [47. С. 169]. В культуре угров принято было обозначать глаза и рот (иногда уши) лишь у «существ» одушевленных, например, у изображения духа, умерших: обозначение деталей лица различными способами (наложение маски, процарапывание глаз и рта на лице металлического или деревянного изображения духа и т.д.) [42. С. 40]; а вот для кукол-игрушек в культурах многих народов была характерна безликость.

Выводы. Малое количество выявленных могильников юдинской культуры, а также незначительное количество исследованных к настоящему времени погребений не позволяют говорить о применении погребальных лицевых покрытий на всей территории бытования юдинской археологической культуры. Но для юго-восточной части ареала юдинской культуры материалы могильника Вак-Кур дают неоспоримые свидетельства использования юдинским населением на рубеже I тыс. н.э. погребальных лицевых покрытий, состоящих из металлических наглазников и нагубников, налобников (и возможно, наносников), укладываемых / нашиваемых на меховое покрытие. Металлические пластинки не имеют прорезей для глаз и рта. Наглазники представляют собой отдельные для каждого глаза пластинки. Нагубники и наглазники являются отдельной категорией погребального инвентаря, специально изготавливаемой для совершения захоронения, и представляют собой медные или серебряные изделия преимущественно подпрямоугольной, подквадратной формы толщиной от 0,3 до 1,2 мм и средними размерами 3,5 × 1,5 см. Возможность применения погребальных лицевых покрытий в похоронном ритуале с

большой долей вероятности может быть отмечена для 32 погребений, как взрослых, так и детских. Дальнейшее выявление и изучение средневековых

некрополей Западной Сибири позволит нам приблизиться к пониманию духовной культуры предков обско-угорского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Антропологические определения выполнены научным сотрудником сектора физической антропологии ИПОС СО РАН О.Е. Пошехоновой.
- ² Так как антропологические определения не проводились (а многие могилы и вовсе не содержат костных останков), то могильные ямы длиной до 160 см условно отнесены нами к детским.
- ³ К настоящему моменту подтвердить это предположение не представляется возможным, поэтому обломки изделий и монеты не учитывались нами при анализе выявленных металлических деталей лицевых покрытий некрополя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье : Хозяйство, материальная культура. / под ред. Б.А. Литвинского М. : Восточная литература РАН, 1995. 523 с.
2. Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (об одном элементе погребального обряда) // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1968. Вып. 191. С. 230–239.
3. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов : в 3 т. / пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. I. 152 с.
4. Росляков И.П. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского Музея. Тобольск, 1896. Вып. 5. С. 2–9.
5. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных и религиозных верований. М., 1959. (ТИЭ АН СССР. Т. 51). С. 114–156.
6. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья : Археология СССР. М. : Наука, 1987. С. 163–235.
7. Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // Российская археология. 2009. № 1. С. 140–151.
8. Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник : (Предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 130–147.
9. Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (Страницы ранней истории манси). Екатеринбург : Квадрат, 2008. 208 с.
10. Адамов А.А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 248–250.
11. Зах В.А., Чукунова И.Ю. Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 107–118.
12. Турова Н.П. Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 10 (60). Ч. II. С. 191–193.
13. Ражев Д.И. Антропологическое исследование Пылаевского грунтового могильника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 147–152.
14. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // Свод археологических источников. Вып. Е1–59. М., 1979. 112 с.
15. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008. 603 с.
16. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
17. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Сер. Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань : МарНИИЯЛИ, 2012. 408 с.
18. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. (Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II). Пермь, 2012. 259 с.
19. Данич А. Височные подвески Питер (Степаново Плотбище) могильника IX–XI вв. в Пермском Предуралье // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре : сб. науч. ст. / отв. ред. М.Г. Моисеенко, А.В. Деев. Зимовники : Зимовниковский краеведческий музей, 2017. Кн. I. С. 50–60.
20. Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М. : Наука, 1973. 212 с.
21. Арне Т.Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург – Сургут : Уральский рабочий, 2005. 184 с.
22. Кочуркина С.И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Ленинград : Наука, 1973. 150 с.
23. Данич А.В. Охранные исследования бояновского (Баяновского) могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь : ПГУ, 2008. Вып. 5. С. 45–53.
24. Королев К.С., Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Ванвиздинская культура (VI–X вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М. : ДиК, 1997. С. 400–477.
25. Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 94–162.
26. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
27. Оборин В.А. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // Ученые записки Пермского государственного университета. Харьков, 1956. Т. XI, вып. 3. С. 83–101.
28. Оборин В.А. Раскопки памятников раннего железного века в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 2. С. 95–99.
29. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 163 с.
30. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 145–160.
31. Казаков Е.П. Погребальные маски волжских болгар в системе идеологических представлений народов Евразии // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 2 (28). С. 264–269.
32. Фодор И.К. вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 108–175.
33. Фодор И.К. вопросу о религиозных верованиях древних венгров // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 119–132.
34. Терехова Л.М., Карачаров К.Г. Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культуурогеиза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 277–289.
35. Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 9–66.
36. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 211–229.

37. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье / под ред. Н.В. Федоровой. Екатеринбург ; Салехард : УрО РАН, 2005. 368 с.
38. Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск : Наука, 1988. 174 с.
39. Адамов А.А. Раннесредневековый могильник в Тобольском Прииртышье // Тобольск научный – 2017 : материалы XIV Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф., посвященной Году экологии в России (г. Тобольск, 16–17 ноября 2017 г.). Тобольск : ООО «Аксиома», 2017. С. 148–149.
40. Дульзон А.П. Дневник раскопок курганного могильника на Басандайке // Труды ТГУ. Т. 98; Труды ТГПИ. Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. С. 65–148.
41. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.
42. Соколова З.П. Использование металла в культовой практике обских угров // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 30–45.
43. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов : в 3 т. / пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. II. 282 с.
44. Соколова З.П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск : Наука: Сиб. отделение, 1990. С. 58–71.
45. Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. № 4. 1948. С. 78–104.
46. Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.
47. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1977. 225 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 сентября 2018 г.

Face Covers in the Burial Procedure of the Yudinsky People in the Lower Tobol River Region

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 198–208.

DOI: 10.17223/15617793/443/24

Natalya P. Turova, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: turova2707@yandex.ru

Keywords: Western Siberia; lower Tobol River region; Middle Ages; Yudinsky culture; Vak-Kur burial ground; funerary masks / face covers.

The article describes funerary masks of the Yudinsky archaeological culture of the Middle Trans-Urals (Srednee Zauralye). The culture existed in the 7th–14th centuries; it is associated with the ethnogenesis of the Ob Ugrians, in particular, the Mansi. The source base is the data obtained during the archaeological research of the burial ground Vak-Kur (dated 10th–11th cc. AD). Only the data from this necropolis provide conclusive evidence that the Yudinsky people used funerary masks. As Vak-Kur has been raided repeatedly, the bones and the grave goods are removed from their original places. Only one entombment had a face cover in situ: entombment No.124 (a 9-10-year-old girl) had five copper plates on the front of the skull (two in the eye orbits; two on the forehead; one on the teeth). The plate found on the teeth had fur fragments on an under it. The entombment is dated to the second half of the 10th century – the first half of the 11th century. The author has also identified another 69 copper and silver plates of various shapes found in 31 entombments of adults and children and in the inter-grave space of the necropolis as metal elements of funerary masks. Following a comprehensive analysis of the Vak-Kur findings, the author concludes that the Yudinsky culture of the Low Tobol Basin (Nizhnee Pritobolye) used funerary front covers consisting of a soft fur cover and metal plates at the turn of the 2nd millennium AD. Metal plates were placed/sewn onto the soft cover to be put onto the forehead, eyes and mouth of the deceased. It has been found that the plates used to be made specially for the funeral ritual. The face plates from Vak-Kur have been compared with published funerary masks found in the western piedmont of the Ural Mountains (Preduralye), Hungary and Western Siberia. It has been concluded the metal parts from Vak-Kur are similar to artifacts from the medieval necropolises of the Low Ob Basin (Nizhnee Priobye) and Hungary (small plates for each eye, without slots). The masks' functions have been revealed based on the ethnographic data of the Ob Ugrians. It is noted that the source base does not show that this burial rite feature was spread throughout the territory of the Yudinsky culture. Currently, it is safe to say that the population inhabiting the south-east of the Yudinsky culture area used masks in funeral rites at the turn of the 2nd millennium AD.

REFERENCES

1. Litvinskiy, B.A. (ed.) (1995) *Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e: Khozyaystvo, material'naya kul'tura* [East Turkestan in antiquity and the early Middle Ages: Economy, material culture]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
2. Kazakov, E.P. (1968) О назначении погребал'nykh litsevykh pokrytiy Tankeevskogo mogil'nika (ob odnom elemente pogrebal'nogo obryada) [On functions of funeral masks of the Tankeevsky burial ground (one element of a funeral ceremony)]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*. 191. pp. 230–239.
3. Karjalainen, K.F. (1994) *Religiya yugorskikh narodov: v 3 t.* [The religion of the Ugric peoples: in 3 vols]. Translated from German by N.V. Lukina. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
4. Roslyakov, I.P. (1896) Pokhoronnye obryady ostyakov [Funeral ceremonies of the Ostyaks]. In: Bogdanovich, N.M. et al. (eds) *Ezhгодnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of Tobolsk Provincial Museum]. Is. 5. Tobolsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva. pp. 2–9.
5. Chernetsov, V.N. (1959) Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov [Representations about the soul of the Ob Ugrians]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh i religioznykh verovaniy* [Studies and materials about primitive and religious beliefs]. Moscow: USSR AS.
6. Mogil'nikov, V.A. (1987) Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri [The Ugrians and the Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. In: Sedov, V.V. (ed.) *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya: Arkheologiya SSSR* [The Finno-Ugrians and the Balts in the Middle Ages: Archeology of the USSR]. Moscow: Nauka.
7. Matveeva, N.P., Orlova, L.A. & Rafikova, T.N. (2009) Novye dannye po radiouglerodnoy khronologii Zaural'ya srednevekovoy epokhi [New data on radiocarbon chronology of the Trans-Urals of the Middle Ages]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 1. pp. 140–151.
8. Kutakov, Yu.M. & Starkov, A.V. (1997) Pylaevskiy gruntovyy mogil'nik: (Predvaritel'naya publikatsiya) [Pylaevsky underground burial ground: (Preliminary publication)]. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*. 1. pp. 130–147.
9. Viktorova, V.D. (2008) *Drevnie ugry v lesakh Urala (Stranitsy ranney istorii mansi)* [Ancient Ugrians in the forests of the Urals (Pages of the early history of the Mansi)]. Yekaterinburg: Kvadrat.

10. Adamov, A.A. (2003) Issledovaniya na gruntovom mogil'nike Vak-Kur v Pritobol'e [Studies on the underground burial ground Vak-Kur in the Tobol River region]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. IX. Pt. 1. Novosibirsk: IAE SB RAS.
11. Zakh, V.A. & Chikunova, I.Yu. (2010) Srednevekovyy mogil'nik Vak-Kur (po materialam 1986, 1987 gg.) [The medieval burial ground Vak-Kur (according to materials from 1986, 1987)]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*. 1 (12). pp. 107–118.
12. Turova, N.P. (2015) Problemy interpretatsii narushennykh zakhroneniy yudinskogo mogil'nika Vak-Kur [Problems of interpretation of disturbed graves of the Yudin burial ground Vak-Kur]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*. 10 (60):II. pp. 191–193.
13. Razhev, D.I. (1997) Antropologicheskoe issledovanie Pylaevskogo gruntovogo mogil'nika [Anthropological study of the Pylaevsky underground burial ground]. *Okhrannye arkhologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*. 1. pp. 147–152.
14. Golubeva, L.A. (1979) Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic decorations of the Finno-Ugric peoples]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Svod arkhologicheskikh istochnikov* [A set of archaeological sources]. Is. E1–59. Moscow: Nauka.
15. Belavin, A.M. & Krylasova, N.B. (2008) *Drevnyaya Afkula: arkhologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex near v. Rozhdestvensk]. Perm: Perm State Pedagogical University.
16. Semenova, V.I. (2001) *Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya* [The medieval burial grounds of the Yugan Ob River region]. Novosibirsk: Nauka.
17. Nikitina, T.B. (2012) *Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [Funerary monuments of the 9th–11th centuries of the Vetluga-Vyatka interfluv]. Ser. *Arkhologiya evraziyskikh stepey* [Archeology of the Eurasian steppes]. Is. 14. Kazan: MarNIIYaLI.
18. Belavin, A.M. & Krylasova, N.B. (2012) *Ogurdinskiy mogil'nik* [Ogurdinsky burial ground]. *Arkhologiya Permskogo kraya. Svod arkhologicheskikh istochnikov* [Archeology of Perm Krai. A set of Archaeological Sources]. Is. II. Perm: Perm State Pedagogical University.
19. Danich, A. (2017) Visochnye podveski Piter (Stepanovo Plotbishche) mogil'nika IX–XI vv. v Permskom Predural'e [Temple pendants Piter (Stepanovo Plotbishche) of the burial ground of the 9th–11th centuries in the Perm Urals]. In: Moiseenko, M.G. & Deev, A.V. (eds) *Preistoriya. Drevnost'. Srednevekove. Issledovaniya po istorii, arkhologii, kul'ture* [Prehistory. Antiquity. Middle Ages. Studies in history, archeology, culture]. Book 1. Zimovniki: Zimovnikovskiy kraevedcheskiy muzey.
20. Golubeva, L.A. (1973) *Ves' i slavyane na Belom ozere. X–XIII vv.* [The Ves' and the Slavs on the White Lake. 10th–13th centuries]. Moscow: Nauka.
21. Arne, T.Y. (2005) *Barsov Gorodok. Zapadnosibirskiy mogil'nik zheleznoogo veka* [Barsovo Settlement. A West Siberian burial of the Iron Age]. Yekaterinburg; Surgut: Ural'skiy rabochiy.
22. Kochkurkina, S.I. (1973) *Yugo-vostochnoe Priladozh'e v X–XIII vv.* [Southeast Ladoga area in the 10th–13th centuries]. Leningrad: Nauka.
23. Danich, A.V. (2008) Okhrannye issledovaniya boyanovskogo (Bayanovskogo) mogil'nika [Preservation archaeological research of Boyanovsky (Bayanovsky) burial ground]. In: Belavin, A.M. (ed.) *Trudy Kamskoy arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. Is. 5. Perm: Perm State University. pp. 45–53.
24. Korolev, K.S., Murygin, A.M. & Savel'eva, E.A. (1997) Vanvizdinskaya kul'tura (VI–X vv. n.e.) [The Vanvizdinskaya culture (6th–10th centuries AD)]. In: Savel'eva, E.A. (ed.) *Arkhologiya Respubliki Komi* [Archeology of the Komi Republic]. Moscow: DiK.
25. Gening, V.F. (1964) Demenkovskiy mogil'nik – pamyatnik lomovatovskoy kul'tury [The Demenkovsky burial ground: a monument of the Lomovatovo culture]. *Voprosy arkhologii Urala*. 6. pp. 94–162.
26. Goldina, R.D. (1985) *Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [The Lomovatovo culture in the Upper Kama]. Irkutsk: Irkutsk State University.
27. Oborin, V.A. (1956) Nekotorye problemy izucheniya rodanovskoy kul'tury [Some problems of studying the Rodanovo culture]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*. XI (3). pp. 83–101.
28. Oborin, V.A. (1962) Raskopki pamyatnikov rannego zheleznoogo veka v Verkhnem Prikam'e [Excavations of monuments of the early Iron Age in the Upper Kama region]. *Voprosy arkhologii Urala*. 2. pp. 95–99.
29. Mazhitov, N.A. (1981) *Kurgany Yuzhnogo Urala v VIII–XII vv.* [South Ural burial grounds of the 8th–12th centuries]. Moscow: Nauka.
30. Khalikova, E.A. (1972) Pogrebal'nyy obryad Tankeevskogo mogil'nika i ego vengerskie paralleli [The funeral rite of the Tankeevka burial ground and its Hungarian parallels]. In: Smirnov, A.P. & Chernetsov, V.N. (eds) *Problemy arkhologii i drevney istorii ugrov* [Problems of archeology and ancient history of the Ugric people]. Moscow: Nauka.
31. Kazakov, E.P. (2012) Burial mask of the Volga Bulgaria in the system of ideological mind-set of people of Eurasia. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (28). pp. 264–269. (In Russian).
32. Fodor, I. (1972) K voprosu o pogrebal'nom obryade drevnikh vengrov [On the religious beliefs of the ancient Hungarians]. In: Smirnov, A.P. & Chernetsov, V.N. (eds) *Problemy arkhologii i drevney istorii ugrov* [Problems of archeology and ancient history of the Ugric people]. Moscow: Nauka.
33. Fodor, I. (2015) To the Question of Pre-Christian Beliefs of Hungarians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (38). pp. 119–132. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/38/18
34. Terekhova, L.M. & Karacharov, K.G. (1994) Rannee i razvitoe srednevekov'e. Sredneobskaya nizmennost' [Early and Late Middle Ages. The Middle Ob Lowland]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Ocherki kul'turogenza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays of the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
35. Chemyakin, Yu.P. & Karacharov, K.G. (1999) Drevnyaya istoriya Surgutskogo Priob'ya [The ancient history of the Surgut Ob region]. In: Balalaeva, O.E. et al. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov (materialy k atlasu)* [Essays of the history of traditional land use by the Khanty (materials to an atlas)]. Yekaterinburg: Tezis.
36. Zыkov, A.P., Koksharov, S.F. & Labauri, A.N. (2006) Issledovaniya mogil'nika Bol'shaya Umyt'ya 28 [Studies of the Big Umytya 28 burial ground]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [The Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 211–229.
37. Fedorova, N.V. (ed.) (2005) *Zelenyy Yar: arkhologicheskii kompleks epokhi Srednevekov'ya v Severnom Priob'e* [Zeleny Yar: a archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob region]. Yekaterinburg; Salekhard: Ural Branch, RAS.
38. Molodin, V.I. et al. (1988) *Baraba v tyurkskoe vremya* [Baraba in the Turkic period]. Novosibirsk: Nauka.
39. Adamov, A.A. (2017) [Early medieval burial ground in the Tobolsk Irtysh region]. *Tobol'sk nauchnyy – 2017* [Scientific Tobolsk – 2017]. Proceedings of the XIV International Conference. Tobolsk. 16–17 November 2017. Tobolsk: OOO "Aksioma". pp. 148–149. (In Russian).
40. Dul'zon, A.P. (1947) Dnevnik raskopok kurgannogo mogil'nika na Basandayke [A diary of an excavation of a burial mound on the Basandayka]. In: Gorlachev, Ya.D. (ed.) *Basandayka: sb. materialov i issledovaniya po arkhologii Tomskoy oblasti* [The Basandayka: Materials and research on the archeology of Tomsk Oblast]. Tomsk: tip. № 1 Poligrafizdata.
41. Murashko, O.A. & Krenke, N.A. (2001) *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke (po arkhologo-etnograficheskim kollektivam Muzeya antropologii MGU)* [The culture of Obdorsk North aborigines in the 19th century (according to the archaeological and ethnographic collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. Moscow: Nauka.
42. Sokolova, Z.P. (2000) Ispol'zovanie metalla v kul'tovoy praktike obskikh ugrov [The use of metal in the cult practice of the Ob Ugrians]. *Etograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 30–45.
43. Karjalainen, K.F. (1995) *Religiya yugorskikh narodov: v 3 t.* [The religion of the Ugric peoples: in 3 vols]. Translated from German by N.V. Lukina. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

44. Sokolova, Z.P. (1990) O kul'te predkov u khantov i mansi [On the cult of ancestors among the Khanty and the Mansi]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [World view of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk: Nauka.
45. Vasil'ev, B.A. (1948) Medvezhiy prazdnik [The Bear holiday]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 78–104.
46. Sokolova, Z.P. (2002) Kul't medvedya i medvezhiy prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [The cult of the bear and the bear holiday in the worldview and culture of the peoples of Siberia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 41–62.
47. Kulemzin, V.M. & Lukina, N.V. (1977) *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX v. Etnograficheskie ocherki* [The Vasyugan-Vakhovsky Khanty in the late 19th – early 20th centuries. Ethnographic essays]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 09 September 2018